

ensemble les intérêts communs ; mettre au point un programme d'échanges des professeurs et des élèves ; partager les expériences pédagogiques dans l'enseignement du français ; publier un Journal de l'APPU et informer tous les membres de l'Association de toutes les activités prévues. Beaucoup de problèmes attendent leurs résolutions, beaucoup de choses restent encore à faire dans le domaine éducatif. Il est temps de réagir si l'on ne veut pas que la langue et la culture françaises ne disparaissent des écoles ukrainiennes [l'APFU N°1] .

Toutes les activités de l'APFU sont effectuées en collaboration étroite avec l'Institut Français d'Ukraine et l'Alliance française, qui visent à aider les professeurs dans leur travail.

L'Alliance Française existe en Ukraine depuis 1990, sous la forme d'un réseau solidaire de 8 Associations qui accueillent plus de 3 700 étudiants. L'Alliance de Donetsk a un nombre d'élèves, actuellement supérieur à 200, en hausse constante, tandis que l'Alliance d'Odessa a su attirer un public varié. Les nouvelles Alliances en expansion sont celles de Zaporjié, Rovno, Nikolaïev et Tchernihivtsy. En Ukraine, le dynamisme de l'Alliance Française dans le domaine culturel est soutenu par une collaboration fructueuse avec l'Institut Français de Kiev. Elle a ainsi proposé plusieurs spectacles au "Festival International Francophone" de Kiev qui accueille, chaque année, 12 troupes d'Ukraine et 8 de pays francophones, jouant chaque jour et chaque soir à guichets fermés. Cette image vivante de la France diffusée par l'Alliance se retrouve dans chaque grande ville, par le biais de manifestations culturelles. Les tournées de théâtre, les tournées de concerts, les manifestations consacrées au bicentenaire de Balzac ont fait vivre les Alliances à l'heure de la France et rendent compte de l'efficacité de la mission de l'Alliance en Ukraine.[Alliance française 2000 :153]. Le réseau repose sur la bonne volonté des Comités locaux qui aiment la langue et la culture françaises.

Bibliographie

Journal francophone d'Ukraine 2001.

Deniau. X. La francophonie. Quatrième édition corrigée. Paris, 1998.

Journal de l'Association des Professeurs de Français d'Ukraine 2000.

Alliance française 2000.

Шум О.Ю.

ПРОБЛЕМА «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В ТВОРЧЕСТВЕ М. ГОРЬКОГО 1930-х ГОДОВ

Постановка проблемы. Процесс переосмысления творческого наследия М. Горького, начавшийся в отечественном литературоведении в конце 1980-х годов, в первую очередь затронул мировоззренческие основы творчества писателя. При этом выяснилось, что в основательном доисследовании нуждается такая, казалось бы, разработанная проблема, как горьковская концепция гуманизма, и особенно ее содержание после Октября 1917 года.

История вопроса. Большинство советских литературоведов, обращаясь к проблеме гуманизма в произведениях Горького 1930-х годов, выделяли в них острый социальный конфликт и политическую тенденциозность. Такая постановка вопроса обедняет творчество писателя, Горький предстает главным образом как социолог, а его произведения - как «художественное воплощение отдельных положений ленинских статей» [1]. Эта особенность в той или иной мере характерна для работ Б. А. Бялика «Творчество М. Горького в советскую эпоху» (М., 1956), Е. Б. Тагера «Творчество Горького советской эпохи» (М., 1964), а также, несмотря на полноту охвата материала, – А. И. Овчаренко «Публицистика М. Горького» (глава «На стройке социализма (1928-1936)») (М., 1965), В. К. Панкова «М. Горький и советская действительность» (М., 1968).

Кризис методологии, затронувший гуманитарные науки в конце XX века, привел к пересмотру многих казавшихся неоспоримыми истин в горьковедении, в том числе существенные коррективы были внесены в понимание горьковской концепции гуманизма. Однако до сих пор внимание исследователей, обращавшихся к этой проблеме, было сосредоточено в основном на дореволюционном творчестве писателя. Определенным исключением являются работы М. Агурского «Великий еретик: Горький как религиозный мыслитель» (1991) и С. Семеновой «Мыслительные диапазоны М. Горького» (1999) [2], в которых мировоззрение писателя рассматривается от истоков до советского периода. Но идейно-философские основы горьковского творчества советской эпохи и здесь исследуются предельно обобщенно.

Актуальность темы. Между тем проблема горьковского гуманизма включает в себя множество аспектов, и среди них одним из наиболее интересных представляется образ «маленького, но великого человека» в творчестве Горького 1920–1930-х годов. В советском литературоведении этот образ исследовался крайне стереотипно и нуждается в изучении и оценке с позиций нового подхода. Этим и обусловлена актуальность темы данной работы.

Цель работы – выявить то новое, что привнесено в проблему маленького человека Горьким, представившим один из ведущих типов русской литературы как этап по пути к сверхчеловечески могущественному будущему идеальному Человеку.

Тема маленького человека особенно глубоко отвечает ментальности русской литературы XIX века, с характерным для нее православным пониманием гуманизма. Маленький человек невозможен без его творца – кающегося интеллигента. Сначала А. С. Пушкин, а вслед за ним Н. В. Гоголь, с глубоким сочувствием изобразили жизнь рядового представителя человечества – *не героя*, не обладающего ни выдающимися способностями, ни сильным характером, находящегося на одной из низших ступеней социальной лестницы. По мере развития темы происходила эволюция образа. «Кроткие» герои Ф. М. Достоевского и

Л. Н. Толстого враждебному внешнему миру противопоставляют мир своей души, свою внутреннюю силу, источник которой – христианская вера.

Однако, достигнув кульминационной точки в творчестве Достоевского, в 1890-е годы тема маленького человека трансформируется. Время, полное экономических и политических потрясений, определило ставку на волевой человеческий тип, на *героя*. Хорошо известно, с какой непримиримостью относился и к маленькому человеку, и к кающемуся интеллигенту молодой Максим Горький. Его отношение вполне определилось еще до революции. При этом резкие высказывания молодого писателя в адрес классиков XIX века Гоголя, Достоевского и Толстого связаны с тем обстоятельством, что в их любимых идеях кротости, смирения, терпения Горький видел вариации на тему маленького человека, реагируя, разумеется, в первую очередь на христианскую подоплеку образа. Нетрудно также заметить, что неприятие маленького человека у Горького сочетается с критикой образа мысли его творца – кающегося интеллигента.

Гуманизм сострадания, которым прославлена русская литература, убежден Горький, основан на самообмане, он только позволяет одним «людям старого завета, людям рабского воспитания» подняться над «обычными своими чувствами, думами и желаниями» за счет выставленного на показ сочувствия («каков я, а? даже в проститутке человека открыл!» [3]) к другим таким же ветхозаветным, но социально более угнетенным. За этим скрыто барски-снисходительное отношение к маленькому человеку, которого русские литераторы, а за ними общество жалеть – жалеют, но не уважают, потому что не видят в нем человека, равного себе, не видят в нем личность. И это, уверен Горький, в большинстве случаев оправдано, поскольку в реальности униженные и оскорбленные не такие уж кроткие, добрые и чуткие, какими хотят видеть их прекраснодушные литераторы. Многие из них, проявляя «мазохизм существа забитого, запуганного, способного наслаждаться своим страданием, не без злорадства однако рисуясь им пред всеми и пред самим собою» [4], предпочитают жаловаться и стонать, вместо того, чтобы попытаться изменить свою жизнь. Жалеть их, сострадать им – значит, по Горькому, поощрять на дальнейшее пребывание в ничтожестве. Надо действовать, болезненные явления национальной психики – «карамазовщину» и «каратаевщину» – «необходимо побороть, от них нужно лечиться, необходимо создать здоровую атмосферу, в которой эти болезни не могли бы иметь места» [5].

Отношение Горького к философии творчества Гоголя, Достоевского и Толстого не меняется и в советское время [6]. В 1932 году в своей знаменитой статье «С кем вы, мастера культуры?» он повторяет: «В современной действительности интеллигент-утешитель становится тем «третьим», бытие которого отвергается логикой» [7,], а о себе говорит определено: «Нет, проповедь любви бедного к богатому, рабочего к хозяину – не мое ремесло. Я не способен утешать» [8]. В отличие от литераторов XIX века, Горький отказывается изображать рядового представителя человечества «утешительно пестреньким, одновременно совмещающим в себе честное и подлое, глупое и хитрое», описывать его «как нечто, за власть над чем - по Достоевскому - борются «бог и дьявол» [9]. Впрямую писатель выступает против маленького человека, «страдания» которого неоправданно, по его мнению, «героизирует» литература в статье «О мещанстве» (1929): «... Автор берет ничтожнейшего Акакия Акакиевича из «Шинели» Гоголя, снабжает его психологией Ивана Ильича или героя «Мысли» Л. Андреева и, поместив такого искусственного человечка в современную обстановку, как будто создает новый характер. Мещанин читает и наслаждается: «Вот какие у меня могут быть «глубокие переживания». Уже десятки раз воскрес в новых книгах старый знакомый Макара Девушкин и множество прочих «униженных и оскорбленных», но страдающих не столько по Достоевскому, сколько потому, что «патоки – мало, яиц – мало, масла – мало» [10]. Как бы ни усложнялся, как бы ни модифицировался тип «маленького человека» в литературе, Горький будет видеть его и отрицать за стремление к личному благополучию, за нежелание жить творческой социально связующей людей идеей. «... У меня нет желания, – пишет он в статье «Заметки читателя» (1927), – убеждать в чем-либо людей, «униженных и оскорбленных» собственным их бессилием» [11]. Отсюда - избирательное отношение к маленькому человеку, определившееся уже в дореволюционном творчестве.

Писатель сочувствует только тем униженным и оскорбленным, кто, осознав подлость существующей действительности, готов принять правду «творческой, то есть социально связующей людей» идеи и, очистившись ею, возродиться к новой жизни (в 1930-е годы писатель афористично изложит свою раннюю «мораль»: «Восстающего поддержи!» [12]). Всех же остальных, кто смиряется с этой жизнью, писатель навсегда заклеивает как мещан. Понятие «мещанин» - это горьковская альтернатива маленькому человеку. Насколько адекватен этот ответ? Что общего у маленького человека и мещанина? Общее – христианская вера, но Горький все время подчеркивает, что этой веры как бы и нет, что это лукавое прикрытие. Смирение перед высшей волей, безграничное терпение писатель интерпретирует как предельную душевную лень. По его мнению, «полумертвые фаталисты», типа Макара Девушкина или Платона Каратаева так же, как индивидуалисты-циники («лишние люди») не способны к творчеству жизни, они заняты лишь своим ничтожным «я», которое поставлено в центр мира.

И в советское время о мещанстве Горький пишет несколько не меньше, чем до революции. Как и в раннем творчестве, мещанство у него, - понятие не классовое, а социально-психологическое: «Мещанин – существо, ограниченное тесным кругом издавна выработанных навыков мысли и, в границах этого круга, мыслящее автоматически» [13]. Мещанам гораздо удобнее жить в «ограниченном пространстве, замкнутом нормами и догматами», чем в «постоянном революционном стремлении расширять пределы познания и утверждаемого как вечная истина»; «работа мысли всемирного мещанина направлена именно на охрану непоколебимого порядка во всем том, что нажито, вычитано, накоплено»; в «нищенском хозяйстве своем» мещанин «привык видеть всю мудрость мира» [14]. Под влиянием мещанского идеологического учения рабочий человек (в первую очередь, конечно, крестьянин) тоже «заразился страстью создавать

свое, личное, хотя бы и нищенское хозяйство и жить за счет пота и крови такого же нищего, как сам он» [15].

Мещане всех мастей и сортов: «механические граждане» Советского Союза, «старички», «зрители», «умники», обыватели, омещанившиеся рабочие и особенно крестьяне, которые не желают или не могут принять правду новых людей, - главные враги прогресса [16]. Они подлежат переделке или, в случае злостного неповиновения, уничтожению, поскольку это действующие или потенциальные враги «руководящей» идеи и новых людей. «...Человек не в силах переродиться за десять лет и выработать в этот срок новую мораль, новые «правила поведения», признает писатель, однако «уже и теперь пора бы начать выработку биосоциальной гигиены, которая, может быть, и станет основанием новой морали». Началом этого процесса должно быть «стремление к более тесному и дружескому единству людей, перед которыми стоит грандиознейшая задача – перевоспитать несколько десятков миллионов хозяйчиков в культурных работников, в сознательных строителей нового государства». Поэтому «дело критики, публицистики» – бороться «против возрождения отравляющей мещанской «идеологии», против героизации «униженных и оскорбленных» мещан» [17]. И эти рассуждения Горького станут составной частью советской идеологии.

Вместе с тем в полемике с традиционной гуманистической концепцией, на основе все того же образа маленького человека, у Горького вырабатывается еще одна формула – «маленький, но великий» человек. Это составной образ с внутренней иерархией. Одни маленькие люди приходят к новой правде сами и становятся лидерами. Другие, менее образованные или более слабые, проникаются истиной руководящей идеи под руководством лидеров в коллективе нового типа, где создана «новая здоровая атмосфера», и тоже становятся создателями «хрустального дворца» социализма. Впервые подобный тандем намечен у Горького в повести «Мать» – Павел Власов и Пелагея Ниловна, а в 1930-е годы двумя составляющими центрального образа горьковской публицистики становятся «выдвиженцы массы» и те, кто идет «плечо в плечо с передовым отрядом массы, с ее творческим активом».

«Выдвиженцы массы», по мнению писателя, - это «пальцы могучей руки рабочего класса» [18], пролетариата, которые трудовая масса выбрасывает вперед и которые при этом, естественно, продолжают быть ее частью. Каждый из этого «передового отряда» трудовой массы, считает Горький, является «руководителем по отношению к тем, которые остались позади <...> политически и по умственному развитию» [19]. «Неутомимой работой своею» новые социалистические лидеры создают ту «здоровую» атмосферу, о которой писатель мечтал в 1900-е годы, – атмосферу, «понуждающую людей «подниматься к жизни» [20]. Поэтому теперь рядом с сотнями «даровитых выдвиженцев, ударников, рабкоров, писателей, изобретателей» [21] находятся миллионы таких, которые «пробудились и поднимаются к жизни»: «Тысячами голов советский человек, строитель новой культуры, ежедневно говорит литераторам: я был пастухом, был социально опасным правонарушителем, был батраком кулака, – стал инженером, медиком, ученым-естествоиспытателем; я была батрачкой, горничной, домашним животным моего мужа, – я стала профессором философии, агрономом, парторгом и т. д.» [22].

Образ пробудившегося к новой жизни человека неоднократно возникает в творчестве Горького 1928-1936 годов: писатель обильно цитирует письма, которые приходили ему со всей страны, в очерках «Рассказы о героях» (1930 – 1931) создает образы Заусайлова и Анфисы, а в пьесе «Сомов и другие» (1931) с симпатией изображен им «природный пролетарий» Крыжов. От руководителей и рулевых пробудившиеся личности отличаются не столько своим беспартийным положением, сколько уровнем культуры: если социалистические лидеры – это новая «интеллектуальная сила», то пробудившиеся личности, как правило, - люди неграмотные или малограмотные. Заусайлов, персонаж «Рассказов о героях» так и говорит: «В партии ерши грамотные. А меня недостача стеснила, грамоты не знал я почти до сорока лет» [23]. Другая героиня Анфиса признает: «Беда моя – слабо я разбираюсь в теории. Стыдно это мне, а учиться времени нет!» [24].

Социалистический лидер и пробудившаяся личность, являясь аргументом в давней полемике с христианской гуманистической доктриной, стали для писателя искомым звеном между его идеалом – сверхчеловечески могущественным будущим Человеком и реальными «маленькими» людьми. Правоммерно будет задать вопрос: где же в горьковской социоантропологической классификации/иерархии проходит граница между «маленьким, но великим» человеком и будущим «Человеком Человечества»? В конечном счете, сверхчеловечески могущественный Человек растворяется в новом «маленьком, но великом» человеке, который, по мнению Горького, воплощает его давнее представление о лидере, являющемся «результатом социальной группировки» и остающемся при этом ее неотъемлемой частью, «подобно <...> щупальцу головоногого» [25]. Теперь, убежден писатель, место одного идеального героя-титана заняли тысячи реальных *маленьких героев*. «... Я вижу, что в наш мир пришли иные, новые герои – герои иного характера, иных целей. Этим героям родит и выдвигает трудовая масса, и они не требуют преклонения себе» [26].

Однако представление Горького о массе маленьких героев утопичны, а созданный им образ «маленького, но великого» человека достаточно противоречив. С одной стороны, его личность нивелирована настолько, что он сравним с коралловым полипом: так же, как работой этих «ничтожно мелких животных» создаются острова, которые не могут разбить мощные волны океана, о крепость скал которых «разбиваются железные корабли» [27], маленькие рабочие люди во все времена кропотливым трудом создавали на земле «культурную жизнь». С другой стороны, Горький отказывается считать их маленькими, поскольку теперь «муравьиная суета маленьких людей», их «муравьиная работа» [28] подчинена единой цели, которую определила единственно исторически верная, конкретная правда руководящей идеи.

Среди людей, подобных моллюскам или муравьям, наиболее ценны те, для кого личность – своя собственная и личность другого – утратила самостоятельную ценность. В «Рассказах о героях», например, приводится случай с двумя бойцами «погрохраны» в Средней Азии, которые, столкнувшись во время ноч-

ного патрулирования с басмачами, стреляют «на голос»: «...Один наткнулся на басмачей, схватили они его, и оборониться не успел. Тогда он кричит товарищу: «Стреляй на мой голос!» Тот мигом использовал пачку, одного басмача подранил, другие разбежались <...> А в это время – другого басмачи взяли; он кричит: «Делай, как я!» <...> Тогда – первый начал садить в голос пулю за пулей и тоже положил одного. <...> А ведь на голос стрелять – значило, по товарищу стрелять» [29]. Этот поступок безмянанных бойцов, по Горькому, есть подлинный героизм, который позволяет думать, что утрата самоценности не помешает функциональной единице «свободного коллектива» оставаться яркой человеческой индивидуальностью. Писателя не пугает, что служение руководящей идее, силой которой граждане социалистического государства преобразуются в героев, требует от них полного самоотречения, которое делает людей не то, что «маленькими», – а просто «человеческой единицей» (так, например, называет Горький советских людей в статьях «Десять лет» (1928), «Литературные забавы» (1934) и др.)

Более того, Горький считает, что теперь, слившись, маленькие герои, наконец-то, могут выдвинуть не идеального, а реального титана: «Многоликие герои наших действительности уже дают возможность создать из них одного героя. Товарищ Сергей Киров убит нашими врагами потому, что он был именно таким героем» [30]. Такая логика опять-таки приводит к нищевскому сверхчеловеку, монументом возвышающемуся над массой маленьких, лишенных индивидуальности людей-моллюсков, служащих лишь сырьем для создания идеального героя-титана. Писатель сожалеет, что до сегодня, в литературе «все еще не наблюдается попыток изобразить Геркулеса, вооруженного всей силой современной техники». Чем-то вроде такой попытки были у Горького все учащающиеся с 1933 года упоминания о Сталине: «мощный вождь, чья энергия все возрастает» [31]: Иосиф Сталин – «лучший и бесстрашный ученик Владимира Ленина» [32], «человек огромного сердца и ума» [33]. Есть определенная доля жестокой иронии в том, что Горький, всю жизнь искренне разоблачавший буржуазного сверхчеловека Ницше, стал одним из создателей внедряемого в массовое сознание образа сверхчеловека социалистического, диктатора тоталитарного общества.

Выводы и перспективы исследования. Подводя итог сказанному, можно сделать следующие выводы.

Отношение Горького к «маленькому человеку» – одному из ведущих типов русской литературы – существенно отличается от того, которое было свойственно литераторам XIX века. Писатель не признает внутреннюю силу кротких героев Гоголя, Достоевского и Толстого, он относится избирательно к униженным и оскорбленным, поддерживая только тех, кто принимает «новую правду» «руководящей» социалистической идеи. По Горькому, избавившись от стремления исключительно к личному благополучию, маленький человек обретает настоящую внутреннюю силу и становится маленьким героем.

Однако содержание утверждаемого Горьким в позднем творчестве образа «маленького, но великого» человека противоречиво. Желание писателя «видеть всех людей героями», яркими индивидуальностями, нивелируется их зависимостью от «руководящей» идеи. Безоговорочная подчиненность ей превращает их из людей в «человеческие единицы», которые тем ценнее, чем менее выражено в них личностное начало. И это в свою очередь приводит к возникновению вождя-тирана, наделенного правом решать за людей-моллюсков, людей-муравьев их судьбу.

Кроме того, образ «маленького, но великого» человека у Горького не однозначен – внутри него существует четкое деление, поэтому говорить о некоем обобщенном «новом советском человеке», герое творчества писателя 1930-х годов, нельзя. «Руководящая» идея становится мерилом: отношение к ней приводит к делению «человеческих единиц» на «социально-ценные» и «опороченный человеческий материал» (эту избирательность горьковского отношения к «человеческим единицам» не замечали советские литературоведы). Если первые представляют положительный полюс горьковского антропоцентризма, то вторые превращаются во врагов, по отношению к которым писатель беспощаден.

Антропоцентрическая концепция писателя приходит к столкновению с традиционными гуманистическими представлениями. Изучение этого мировоззренческого конфликта в творчестве писателя советского периода представляет перспективную тему для отдельного исследования.

Источники и литература

1. Муратова К. Д. М. Горький: Семинарий. М.: Просвещение, 1981. – С. 9.
2. См.: Агурский М. Великий еретик (Горький как религиозный мыслитель) // Вопросы литературы. – 1991. – № 8. – С. 54 – 74; Семенова С. Г. Мыслительные диапазоны М. Горького // Человек. – М., 1999. – Вып. 5. – С. 113 – 124; Вып. 6 – С. 115 – 131.
3. Горький М. История русской литературы. М.: Гослитиздат, 1939. – С. 266.
4. Горький М. О «карамазовщине». Собр. соч. в 30-ти тт. – Т. 24. М., 1953.–С.147.
5. Там же. – С. 148.
6. Иное дело отношение М. Горького к литераторам XIX века как к мастерам культуры. В статьях 1930-х годов («Беседа с молодыми», 1934; «Литературные забавы», 1934; «История деревни», 1936 и др.) все они занимают подобающее место в истории русской литературы.
7. Горький М. С кем вы, «мастера культуры»? Собр. соч. в 30-ти тт. Т. 26. М., 1953. – С. 254.
8. Там же. – С. 263.
9. Горький М. Литературные забавы. Собр. соч. в 30-ти тт. – Т.27. М., – 1953. – С. 259.
10. Горький М. О мещанстве. Собр. соч. в 30-ти тт. – Т. 25. М., – 1953. – С. 24.
11. Горький М. Заметки читателя. Собр. соч. в 30-ти тт. – Т. 24. М., – 1953. – С. 275.

12. Горький М. Беседы о ремесле. Собр. соч. в 30-ти тт. – Т. 25. М., – 1953. – С. 321.
13. Горький М. О мещанстве. Собр. соч. в 30-ти тт. – Т. 25. М., – 1953. – С. 18.
14. Горький М. 13 лет. Собр. соч. в 30-ти тт. – Т. 25. М., – 1953. – С. 215 – 216.
15. Горький М. Предисловие к книге писем и речей крестьян о советской власти. Собр. соч. в 30-ти тт. Т. 25. М., – 1953. – С. 91.
16. Следует отметить, что общая неприязнь к мещанству – дрожжи русской революции. Не только Горький, но и другие писатели-реалисты, а также символисты, футуристы разоблачали мещанина (достаточно вспомнить произведения молодого В. Маяковского). В гражданскую войну и после гражданской войны наблюдается реабилитация мещанина в литературе русских эмигрантов (у И. А. Бунина, И. С. Шмелева и др.).
17. Горький М. О мещанстве. Собр. соч. в 30-ти тт. – Т. 25. М., – 1953. – С. 27.
18. Горький М. День индустриализации. Собр. соч. в 30-ти тт. – Т. 25. М., – 1953. – С. 52.
19. Горький М. Весь мир смотрит на нас (Из выступления на встрече со вновь вступающими в партию). Собр. соч. в 30-ти тт. – Т. 26. М., – 1953. – С. 13–14.
20. Горький М. Переписка с читателями. Собр. соч. в 30-ти тт. – Т. 25. М., – 1953. – С. 221.
21. Горький М. Если враг не сдается, - его уничтожают. Собр. соч. в 30-ти тт. – Т. 25. М., – 1953. – С. 228.
22. Горький М. Литературные забавы. Собр. соч. в 30-ти тт. – Т. 27. М., – 1953. – С. 256.
23. Горький М. Рассказы о героях. Собр. соч. в 18-ти тт. – Т. 11. М., – 1963. – С.321.
24. Там же. – С. 337.
25. Горький М. История русской литературы. М.: Гослитиздат, – 1939. – С. 3.
26. Горький М. День индустриализации. Собр. соч. в 30-ти тт. – Т.25. М., – 1953.С.51 – 52.
27. Горький М. О «маленьких» людях и о великой их работе. Собр. соч. в 30-ти тт. – Т. 25. М., – 1953. – С.8.
28. Горький М. По Союзу Советов. Собр. соч. в 18-ти тт. – Т.11.М., – 1963. – С. 265.
29. Горький М. Рассказы о героях. Собр. соч. в 18-ти тт. – Т. 11. М., – 1963. – С. 327.
30. Горький М. Литературные забавы. Собр. соч. в 30-ти тт. – Т.27.М.,– 1953.С. 263.
31. Горький М. «Работнице и крестьянке». Собр. соч. в 30-ти тт. – Т.27. М., – 1953. – С. 28.
32. Горький М. Приветствие Первому всесоюзному съезду колхозников-ударников. Собр. соч. в 30-ти тт. – Т. 27. М., – 1953. – С. 14.
33. Горький М. О параде физкультурников. Собр. соч. в 30-ти тт. – Т. 27. М., – 1953. – С. 452.